

*С какой вершины я ни брошу камня,
Он вниз летит и пропадает там.
В какой низине песня б ни пришла мне,
Она летит к родным моим горам.*

Расул Гамзатов

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Послесловие — не совсем заключение, не резюме изложенного, но добавление к основному блоку информации и к сделанным выводам под впечатлением всего ранее высказанного.

Значительная часть представленных в книге материалов касается того варианта миграций, который приводил и приводит к основательному перемещению жителей одних районов (регионов) в другие, с обустройством их на новых местах и, соответственно, с принципиальным изменением собственного образа жизни, а также внесением существенных поправок в уклад жизни населения районов (регионов), принявших и принимающих мигрантов. Мы говорим о миграциях, — так ныне принято. А в конце XIX—начале XX в., при империи, подобные явления и процессы называли колонизацией (русской) — Кавказа, Сибири, Дальнего Востока. Смена терминологии, возможно, обусловлена тем, что колонизация в некотором отношении звучит двусмысленно и может связываться с колонизаторством. Однако в данном и подобном ему случаях речь идет о колонизации внутренней — заселении и освоении окраинных земель своей разросшейся (или разраставшейся в обширном контексте исторических процессов) страны, и к внешней колонизации или колонизаторской политике как таковой это либо вовсе не имеет отношения, либо имеет лишь косвенное отношение. Примечательно, что и в первой четверти XX в., уже при изменившемся политическом строе, в Российском государстве продолжали использовать данный термин.

Из докладной записки Северокавказского краевого исполкома во ВЦИК, датированной сентябрем 1925 г., по поводу несогласия с решением о присоединении Кизлярского округа и Ачикулакского района к ДАССР. Среди прочих обоснований неоправданности подобного решения значилось такое:

По колонизационным возможностям, не только дающим широкие перспективы для удовлетворения земельных нужд Севкавказя с его народностями, вполне освоившимися с однородными климатическими условиями, но и имеющим и общегосударственное значение, тогда как наряду с этим исключена всякая попытка в этом отношении со стороны Дагестана, резко отличного от Кизлярского округа по своим климатическим условиям [ЦГА РД, ф. п-1, оп. 1, д. 756: 92].

На это дагестанская сторона отвечала соответствующим образом:

Дагестану Кизлярский и Ачикулакский районы необходимы: во-первых, как колонизационный фонд для немедленного переселения безземельных гор-

цев, во-вторых, как фонд зимних пастбищ, без которого должно погибнуть скотоводство 6 горных округов, являющееся единственным источником существования населения этих округов, численностью 500 000 [ЦГА РД, ф. п-1, оп. 1, д. 756: 20].

Признав правомочность определения наблюдавшихся и наблюдаемых в описываемой части Кавказского региона процессов как колонизации, мы обязаны сделать поправку ко всем сопутствующим им явлениям. Колонизация — это не просто кто-то к кому-то подселился, это некто поселился на новом месте с намерением полностью (как он это понимает и что способен реализовать) организовать собственную жизнь, одновременно переиначив жизнь тех, кто жил до него на этой земле очень часто по отличным правилам. Поэтому в известном смысле внутренняя колонизация может оказаться насилием. И вряд ли возможно от одного уйти, даже если мигранты не преследуют цели принести вместе с собой зло аборигенам или тем, кто обжился на конкретной земле раньше них.

Приведем пример, который, на наш взгляд, пояснит изложенный тезис.

В середине 1920-х гг. уполномоченные туркмен, проживавших на Северном Кавказе (их еще называли ставропольскими туркменами), писали в кремлевские инстанции:

На протяжении долгого времени мы являемся свидетелями того, что история нашей жизни, занимаемых нами степей является историей борьбы плуга и овцы, историей прочно оседающего, обеспеченного инвентарем зажиточного русского земледельца с туркменом скотоводом, ведущим и до сего времени полукочевую полуседлую жизнь.

И в результате мы являемся очевидцами также того, что победителями в этой борьбе оказываются крепкие хозяйственники, зажиточные земледельцы, тогда как мы, кочевники-туркмены, не будучи в состоянии, не успевая закончить переход к земледельческому хозяйству, все более и более вытесняемся из лучших плодородных своих земель на земли определенно худшего качества вопреки даже тому, что за нами, туркменами, земли закрепляются формально в порядке землеустройства. В общем, современное положение наших туркмен является крайне и невероятно тяжелым.

Вспомним здесь освоение казахстанской целины, но равно отметим сочувствие сетованиям русских женщин Кизлярщины на то, что скот горцев съел в окрестностях их сел всю зелень, а сами горцы, осваивая вновь приобретенное пространство, начинают это освоение с уничтожения деревьев и проч. В этом варианте овца с очевидностью побеждает плуг.

Впрочем, в цитируемом документе: дальше — больше. Его авторы ссылались на заключение комиссии, которая приезжала из Ростова и работала в их селах с целью выяснения социально-экономических условий быта этого нацменьшинства «государства равных».

В сделанном комиссией заключении ее председатель К. А. Курджиев отмечал:

Как я выше говорил, что большинство туркменских земель обрабатывали русские крестьяне, которые всякими способами вытесняли туркмен из их аулов, причем обычным приемом был такой: несколько крестьян закупали у туркмен дворы с постройками за бесценок, пользуясь голодом, а затем, вселяясь в аул, обычно разводили свиней, а туркмены, не перенося, как истые мусульмане, близости сожительства свиньи, оставляли свои дворы и переселялись в другой

туркменский аул, где еще не было русских. Таким путем вытеснены совершенно пять аулов и заселены русскими крестьянами, терроризировавшими буквально туркменское население настолько, что туркмены не пытаются получить с крестьян не только за отдельные дворы с постройками, но совершенно бесплатно оставляют очень ценные постройки...

Далее приводились цифры, иллюстрировавшие обнищание населения и развал хозяйства, а затем выдвигались предложения по налаживанию нормальной жизни среди туркмен, которые, по оценке Курджиева, уже практически были готовы к оседлой жизни и ведению земледельческого хозяйства. Для этого им необходимо было помочь инвентарем, семенами. Но, что важнее, «необходимо предоставить в распоряжение туркмен те земли, которые находятся между туркменскими аулами и считаются свободным фондом» [ЦГА РД, ф. п-1, оп. 1, д. 879: 65—71]¹ (подробнее см.: [Карпов 2011]).

В приведенном примере насилие очевидно. Очевидны и негативные последствия колониционных (миграционных) процессов для тех, кто ранее жил на конкретной территории. Но злой умысел переселенцев (мигрантов) в целом лишь предполагается. Равно как неочевиден злой умысел мигрантов из горных районов Дагестана на Северо-Кавказскую плоскость и в Предкавказье (тем более что значительная их часть были вовлечены в соответствующие процессы помимо собственной воли). Это в бытовом сознании, впрочем, и в сознании людей при власти (когда им этого хочется и когда им это выгодно), данный процесс может выдаваться в качестве спланированной акции. Тогда речь ведется не то о политике кланов (родов, «народов»), направленной на «мирное завоевание» новых территорий (в пределах республики, в частности кумыкских, ногайских и русских территорий горцами), не то об аналогичных действиях целых «государств» (республик в рамках существующего государства РФ), в данном случае Дагестана в отношении Ставропольского края. Однако, разбирая подобную местечковую геополитику, мы погрязнем в домыслах, проигнорировав очевидное.

Очевидным же является то, что колониционный ресурс для собственно России к концу XX в. оказался исчерпанным (по крайней мере в отношении Кавказского региона), и то, что было возможно в начале XX столетия, нереально в начале XXI в. Более того, приобретенное ранее оставляется и будет продолжать оставаться «русским» населением. Колониционные процессы имеют свои циклы, направления, логику и собственную динамику. Это необходимо признать и принять в качестве данности. Для Кизлярщины изменение направления колониционного потока и известные последствия такового — состоявшийся факт, для восточных районов Ставрополя это процесс и, соот-

¹ К месту заметить, о подобных практиках выживания русскими рассказывали нам и ногайцы. О том, что такие практики носили системный характер, свидетельствует следующий архивный документ. Из выступления представителей ногайцев на совещании крестьян с «наркомземом и зам. СНК РСФСР тов. Смирновым» в сентябре 1925 г.: «... Дело в том, что в 1919 г. к Ачикулакскому населению, к ногайцам и туркменам, переселились из соседних округов преимущественно русские. По переселении русские начали заниматься свиноводством. Согласно же Корану и взгляду нашего населения, [может быть, оно и темное], но оно не может примириться с свиноводством и вследствие этого возникают споры. Дело в том, что вопрос стоит так остро, что если он не получит скорейшего разрешения, то переселенцам снова придется переселяться, или же караногайцам» [ЦГА РД, ф. п-1 оп. 1, д. 756; 52—53].

ветственно, еще предмет для обсуждения, изучения, решений, дел и т. д. В обоих случаях надо смотреть на данные процессы без подключения эмоций, хотя, очевидно, многим, по разным причинам, это сделать нелегко.

Без эмоций надо относиться и к последствиям миграционных процессов в Дагестане.

Мы, со своей стороны, стремились именно так проследить ход развития указанных общественных явлений и их результатов. Как это получилось, судить читателям книги. Но примечательно, что обнародование нами даже промежуточных выводов по отмеченным сюжетам вызывало весьма эмоциональную реакцию в республике.

Это понятно в условиях обостренного восприятия проблем межнациональных отношений в современном Дагестане².

Даже косвенное обращение к ним людей «со стороны» вызывает острую реакцию «местных». Одному из авторов после его доклада о нынешних формах отходничества в среде дагестанских горцев был задан вопрос: «За что вы нас так не любите?» — хотя речь велась лишь о практикуемых формах трудовой миграции. Другому автору инкриминировали большее:

... Карпов известен своей «нелюбовью» к дагестанским народам, которая выливается в откровенные провокаторские статьи и монографии, в которых видна плохо скрываемая неприязнь к дагестанцам, обильно посыпаемая «сахаром» политеса и научной демагогии. Не копаясь в других его работах, можно обратиться к его... статье... которая посвящена миграционным процессам в Дагестане... [Карпов 2010б].

Далее говорится о «разжигании (данным сочинителем. — *Авт.*) межнациональной розни» в республике, о его особой «нелюбви» к аварцам и даргинцам, о сеянии им «зерен раздора между кумыками и даргинцами в Костеке, между аварцами и кумыками в Казииюрте, между аварцами, даргинцами и кумыками в Кизляре» [Шахбанов М. 2010]. Не в собственное оправдание, но справедливости ради отметим (точнее, отмечу, потому что здесь я — Ю. К. — беру ответственность на себя), что проблему взаимоотношений между жителями Старого и Нового Костека спровоцировал не я, а если бы это было всего лишь так, то президент РД М. Г. Алиев не решал бы ее при личном участии (об этом см. в соответствующем разделе гл. 7), что проблема с угожьями Казииюрта также придумана не мной (см.: [Узунаев 2010]), статья данного автора имеет показательный подзаголовок: «Львовское-1 остается самой горячей точкой в Дагестане»), что ситуация в Кизляре и его окрестностях фиксировалась в том виде, как она видится местным жителям, в том числе переселен-

² В подтверждение актуальности и болезненности для современного Дагестана темы межнационального согласия сошлемся на публикации в главном печатном органе республики — газете «Дагестанская правда»: М. Алиев. «Дагестан красив единством многообразия своих народов» [ДП, № 329—331, 6 октября 2009], А. Алиев. «Сохраним межнациональный мир» [ДП, № 333—334, 8 октября 2009], А. Аджиев. «Мы — единый народ» [Там же], «Мы сильны единством наших народов» [ДП, № 375, 9 ноября 2009], М.-С. Мусаев. «На чем держится единство Дагестана. Наши народы всегда воспринимали себя как единый этнос» [ДП, № 418—426, 9 декабря 2009], Г. Кадиев. «Как укрепить наше единство. Проблемы формирования общедагестанской национальной идеологии обсудили участники заседания» [ДП, № 16—17, 23 января 2010 г.], М. Абдуллаев. «Добиться осознанного единства народов Дагестана» [ДП, № 83—84, 16 марта 2010] и т. д.

цам, а не так, как желалось бы ее кому-либо видеть со стороны. В качестве «разжигания межнациональной розни» оценено внимание к экологическим проблемам Ногайской степи, равно как и отмеченная в статье Ю. К. большая, по сравнению с ногайцами и русскими, «деловитость» горцев. В данной статье Ю. К. (как и в соответствующем разделе книги) речь больше идет о предприимчивости горцев (иногда шире — кавказцев) как характерной черте их социальной культуры³. А то, что культуры и социальные практики у разных народов различаются, вряд ли кто возьмется оспаривать. И сами дагестанцы (в данном контексте читайте — горцы) с гордостью отмечают характерную деловитость жителей Махачкалы в отличие, например, от жителей относительно недалеко расположенного Нальчика, и «чудеса», которые вершит в их столице торговый капитал. Исследователь дагестанской диаспоры в Турции отмечает, что при необратимости ассимиляционных процессов «единственным способом актуализации диаспорой своей „дагестанскости“ остается социальное самоутверждение, достижение престижных позиций в сфере материального производства, образования, науки, военной и государственной службы и т. д.» [Магомедханов 2010: 52]. То есть дагестанцев в этой стране отличает та же предприимчивость (или деловитость), что вполне естественно, ибо это еще действующая черта их социальной культуры (которая, очевидно, отличает их от носителей других традиций).

В современном российском обществе предприимчивость (предпринимательская активность) граждан (в рамках законности) также приветствуется. В ней видится потенциал для развития страны в целом, для развития регионов, для действенного удовлетворения гражданами своих интересов и потребностей. Но у населения разных регионов, представителей разных культур в немалой степени по причине особенностей социальных традиций не совпадают потенциалы готовности ее проявлять. Диалектика жизни.

Той же диалектикой объясняется предприимчивость, деловитость мигрантов, оказавшихся в новой, чужой для них среде. Иначе им было бы гораздо труднее выжить и обустроиться. Так всюду и во все времена было и есть⁴. Сегодня это зримо очевидно в разных регионах и городах нашей страны.

Об этом же пишем и мы. Почти исключительно со слов людей, так либо иначе вовлеченных в миграционные процессы, и тех, кто представляет принимающую сторону. Возможно, нам могли встретиться другие информанты, которые иначе осветили бы историю переселенческого движения в Дагеста-

³ В частности, цитируются слова ногайца, жителя упомянутой степи, по данному поводу; они приведены в этой книге, но повторим их, дабы не было разночтений: «Горцы предприимчивые, трудолюбивые, они максимально эксплуатируют Ногайскую степь». За ними тоже следует видеть разжигание межнациональной розни?

⁴ Приведем цитату из работы, посвященной мигрантам совсем другой культуры, которые оказались в далекой от своей родины среде. То, что пишет автор, на наш взгляд, в полной мере характеризует требования, предъявляемые к мигрантам в силу обстоятельств. «Сам факт миграции, означавший прыжок в неизвестность, отрыв, часто навсегда, от семьи, привычного существования веками отлаженного уклада и ритма жизни, резко повышал ценность таких качеств, как подвижность, динамизм, предприимчивость, даже авантюризм, умение быстро ориентироваться в совершенно новых и быстро меняющихся обстоятельствах, приспособляемость, адаптивность» [Дятлов 1996: 210—211]. В смягченном виде (так как миграции в рассматриваемом нами случае происходили вовсе не в неизвестность) такая характеристика приложима и к дагестанцам.

не — что и как происходило и к чему в итоге привело. Не подбирая оных, мы получили то, что изложили, а при освещении исторической части данной темы ориентировались на документы. Сеem ли мы межнациональную рознь в республике, обходясь при освещении подобной информации без «любви»? Судить читателю⁵.

* * *

Самую значительную по территории на свете страну в XX в. сотрясали большие события — революции, войны, масштабные планы индустриализации, коллективизации и многое другое. Маленький Дагестан, а при всем величии своей природы и истории он действительно такой, тоже претерпел большие перемены в этом столетии уже потому, что за полвека до начала последнего был включен в состав великой державы. Нельзя сказать, что инициаторами основных рассмотренных здесь перемен в Дагестане и их вершителями были люди из «центра», но без них не обошлось⁶; они хотели, по возможности, стать желанными в этой национальной окраине большой страны, как и в других подобных ей, и делали многое, дабы прийтись к месту. Впрочем, и «свои» не плошали и вместе с первыми сотворили столько, что разбираться в совокупно содеянном ими придется еще долго.

Об этом достаточно много говорилось в главах книги.

Здесь мы вправе задаться вопросом — в чем, в контексте больших перемен, заключалось основное отличие судьбы горного Дагестана и людей, проживавших в нем, от судеб других территорий горного Кавказа и их насельников? Ведь и в других частях горного Кавказа население активно занималось отходничеством⁷, ведь и там малоземелье и, соответственно, переселение на

⁵ Сегодняшние реалии таковы, что аварцы обращаются к президенту РФ с воззванием по поводу смены видных — аварской национальности — должностных лиц в республике, произошедшей ввиду изменения национальной принадлежности персоны республиканского президента. И поясняют они — деятели «научной и творческой интеллигенции», — что «подобные недальновидные [действия] в конечном итоге могут спровоцировать события, аналогичные событиям в Киргизии (имеются в виду насильственное свержение местного президента и массовые общественные беспорядки в 2010 г. — *Авт.*)...» И далее: «...Просим осуществить государственное, политическое, экономическое регулирование и управление, предусмотренное Конституцией Российской Федерации» [Голос народа. 2010. № 5].

⁶ Вспомним хотя бы планы превращения республики в хлопководческую область или в область выращивания субтропических культур.

⁷ Сравните: «Вообще, — говорилось в документах хорошо известной Абрамовской комиссии начала XX века, — осетины народ чрезвычайно подвижной, а горцы в особенности и склонны ко всякого рода предприятиям. Многие из них сельское хозяйство считают черною работой, тем более когда земли мало, продуктивность ее ничтожна, а следовательно и мало доходна. В силу этого многие осетины дают полный простор своим природным наклонностям, выражающимся в промышленности и торговле и в разного рода предприятиях и вообще заработках, вызывающих мало физического труда и которые, по их понятиям, считаются благородными. Вот почему можно видеть осетин всюду: в Париже в качестве искусных наездников, в Абиссинии — в роли завоевателей, в Харбине — во время русско-японской войны в роли рестораторов, официантов, подрядчиков и защитников отечества; в России и в Закавказье они разбросаны в качестве помощников управляющих, приказчиков мелких торговцев и

плоскость региона и даже на дальние, но обильные земель территории являлось актуальнейшей проблемой⁸.

Отдавая должное своеобразию материальной и духовной культуры дагестанцев, их по-своему особой привязанности к малой родине⁹, мы на первое место поставим отличия в культуре социальной, имея в виду преобладающую роль в горном Дагестане общинных связей и отношений. Ведь здесь и при уходе на заработки (в старину) учитывались права и интересы тех, кто оставался в горном селении (см. гл. 1), а вопросы переселения на новое место являлись судьбоносными для общины, а не отдельных лиц. Следовательно, правомерно заострить внимание на произошедших изменениях в данном ракурсе. И в этом случае мы вынуждены будем признать, что за XX столетие данная характерная черта культуры дагестанцев в большой мере оказалась утраченной. Не только колхозы приводили к раскрестьяниванию, не только перестройка и то, что наступило после нее, ломали сложившиеся веками нормы сельского общежития, но и переселенческая политика — большое и сложное явление, масштабно проводившееся государством на протяжении десятилетий, обусловила аналогичные последствия. Примеров того, как государство решало судьбы людей — отдельных селений — горных и не только, и даже целых народов, было приведено достаточно. В определенном смысле значительная часть горцев, помимо своей воли переселявшихся на равнинные земли, оказались жертвами государства и действий политиков различного уровня. Это не ставит под сомнение то, что процесс переселения горцев без вмешательства (но с помощью или без оной) государства происходил бы и так, только иными темпами, масштабами, в иных формах.

Что в итоге произошло в горах? Они в немалой степени обезлюдели и продолжают терять население. А новые приоритеты жизни продолжают изменять тех, кто там еще живет, и то, что еще сохраняется в строе их бытия от заповедных времен. Гордость (в социальном и в широком культурном значении) и основа общественной жизни Дагестана — джамаат утрачивает свою институциональную основу (отдельные примеры беспомощности или бездействия джамаатов, что, по большому счету, одно и то же, в конкретных «сложных ситуациях» преданы огласке, приводить их не будем, дабы не усугублять общее впечатление дагестанцев о нашем видении предмета исследования). Говорить в этом плане о селах переселенцев еще труднее. Пожалуй, лишь за исключением сел, образованных выходцами из одного горного селения (а таковых в

лакеев и т. д., а главным образом в качестве земских стражников; за последнее время они стали появляться и в Америке. Все эти профессии дают осетинам хорошие заработки, они пересылают деньги своим родным, которые на эти деньги ведут свое скудное хозяйство» [Труды 1908: 107].

⁸ «За последнее время, — писал анонимный автор в газете „Терская жизнь“ в 1914 г., — среди проживающих в Алагире осетин наблюдается усиленное стремление к переселению за Урал... Большая часть их, предвкушая удовольствие получения 15 десятин на мужскую душу, мечтают о скором переселении и мало-помалу расстаются с мыслью продолжать хозяйства, о наделении их свободными участками казенной земли... Для алагирских осетин, расходующих ежегодно на одну пахотную десятину только лишь чтобы заарендовать на один год, по 40—45 руб. при крайне несостоятельном их положении, переселение за Урал при данных условиях составляет крайний исход из критического положения и спасение от голодной смерти» [Терская жизнь. 1914. № 108].

⁹ Подробнее см., например: [Карпов 2007а: 161—162].

целом немного) и стремящихся сохранить коллективистское начало (что им удается не всегда). В качестве положительного примера назовем упоминавшееся с. Сиух, жители которого умеют сплотиться в нужный момент, они горды тем, что производят на вновь обретенной земле, однако и их пример необразцовый, ибо и там достаточно внутренних проблем и неурядиц. В определенных формах общинность воспроизводится среди переселенцев. В этом нет неожиданного. Потребность выживания в новых условиях требует сплоченности, коллективистской мобилизации. Так было в период переселения значительных масс русского населения в Сибирь, так происходило практически при всех вариантах миграций сколь-либо значительных групп людей одной культуры, выходцев из одной местности, в другую местность, страну, на другой континент. В свою очередь, и принимающая сторона едва ли не в каждом конкретном случае воспринимает мигрантов как группу или группы, и это требует соответствующего «ответа» от последних. Так, в Малой Арешевке в свое время образовался «Даргин-аул», а в последние годы появилась «Цунтинская улица». Они формировались и комплектуются выходцами из разных селений (читай — общин) — горных даргинских, а также Цунтинского и Цумадинского районов, соответственно, что не мешает им приобретать черты и формы общинных (с оговоркой на надлежащую для подобных случаев функциональную ограниченность) структур. Это закономерно. И если в горах функциональность общин продолжает сокращаться (а данный процесс начался еще в эпоху имамата Шамиля и в дальнейшем неизменно протекал в тех или иных формах), то среди переселенцев общинность формируется заново, но в очевидно усеченном варианте. Апелляции к «традиционной» общине ни в одном, ни в другом случае не обоснованы, так как ныне существующие общинные структуры, равно как и их члены, лишены прав на основную собственность — на землю, которая делала общину полифункциональной целостностью с обозначением позиции и роли для каждого своего члена. Однако невозможность возвращения в современных условиях к «традиционной» общине не отрицает жизнеспособности ряда отдельных важных принципов общинности, что мы и наблюдаем как в горах, так и среди переселенцев.

Согласованно с данными обстоятельствами изменяется и структура общественных и межличностных связей. На последнее активно влияет трансформация основ выживания отдельных людей и их коллективов.

Одновременно изменяется демографическая картина Дагестана. В горных местностях республики жителей, т. е. подлинно горцев, становится все меньше. Но на официальном уровне культивируются образ и ценности традиционной жизни именно горцев. В качестве примера упомянем учебное пособие для старшеклассников по курсу «Культура и быт народов Дагестана», в котором акценты расставлены абсолютно однозначно [Сагитов 1998]. Но основная часть школьников республики живут и учатся в селах равнинной зоны и в городах и порой не знают родного языка, да часто он в их школах и не преподается. Родители и ближайшие родственники ведут образ жизни, отличный от культивируемого в учебнике, и часто исповедуют другие ценности. В демографическом отношении Дагестан — молодая республика. Дети и внуки бывших горцев заметно отличаются от родителей, да и сами последние уже далеко не те, кто решался на переезд или совершал его помимо собственной воли.

Кто же они, что собой представляют «горцы после гор», пережившие такую метаморфозу, и их потомки, искренне лично либо формально причисляемые к горцам «новой эпохи», нового состояния? Сохраняют ли для пересе-

ленцев значение ценности — общественные, мировоззренческие, нравственные и т. д., которыми дорожили их пращуры? Или все либо многое из «горского» выветрилось на открытых просторах степи?

Очевидно, что по сравнению с предками они стали другими. Им неинтересна земля, на которой отец завещал себя похоронить, клочки которой прадеды и деды пестовали, за которые были готовы умереть. Завет отца был или будет исполнен, но сам «новый горец» готов быть закопанным и в другом месте, ибо к земле как таковой у него отношение уже иное: своя — не своя, какая, по большому счету, разница.

Они не стали «перекаати-поле», но перестали быть «гвоздями, вколоченными в скалы». Впрочем, «зависание в воздухе» все же требует опор. Одни таковые ищут и находят в «новой религии» — жесткой по своим предписаниям и потому действительно выглядящей опорой — столбом или столпом, другие обходятся другим, находя удовольствие в земных благах.

Горцы после гор сродни любому крестьянину, оторвавшемуся или оторванному от земли. Одну почву он утратил по тем либо иным причинам, другую еще не обрел (хотя кое-кто из собратьев по судьбе уже осел, освоился сам и освоил землю, на которой ныне живет). Европа узнала схожий процесс несколько веков назад, Россия переживала его в недалеком прошлом, Дагестан переживает этот процесс на наших глазах.

В глазах горцев после гор еще блестит прапрадедова слава, но они гаснут при мыслях о переживаниях деда времен коллективизации, раскулачивания, борьбы с религией, переселений на равнину вопреки желанию и вновь ненадолго загораются при мыслях о дедовых победах в годы большой войны, а также при мыслях о многолетнем добросовестном труде отца в совхозе или на кутане уже на другой земле, которая для него, его сына, должна стать родной. Должна стать, но стала ли?.. Утратив одно, обрели ли другое? На словах — да. Ну а в душах, как некогда было у предков? Хотя имеем ли мы право говорить о чужих душах, дай Бог разобраться в собственных.

Все, о чем мы говорили в книге — это переходный период в культуре и в судьбе народов (пусть так, ибо ныне так привычней, или, если угодно, в судьбе представителей конкретной социокультурной общности), период, растянувшийся на десятилетия. Впрочем, иначе и быть не могло. Ломка одного и становление другого не происходят быстро. Даже если прадеды и деды ходили на заработки в Баку, во Владикавказ, в Новороссийск и потом приносили сэкономленные на себе деньги домой, то сейчас по доброй воле или в силу разных обстоятельств внук отправляется за деньгами другим путем и ведет себя, заработав деньги, иначе. И вариантов для него нет, иначе он не сможет обеспечить семью, что необходимо, и вписаться в новые условия. Он отходник, но другой, нежели прадеды, поросли, а переселенцев среди прадедов фактически и не было.

Уже на основании отмеченного правомерно говорить об изменении идентичности на индивидуальном и групповом уровнях. Во многом переселенцы оказались маргиналами. Оставив горы, обустроиваясь, реже — сумев укорениться на новых местах жительства, они продолжают ощущать связь с малыми родинами. Большей частью почти умозрительную, реже — осязаемую в душе, и потому они еще продолжают завещать хоронить себя в горных аулах, там же строят дома, которые во многих случаях возведены для престижа и абсолютную часть времени пустуют; в оных не живут, но в них размещаются, когда приезжают на соборования или на свадьбы родственников, там же

проводятся поминки по ближайшим родным, привезенным для предания их праха родной земле («*Отец, я, — говорит горец, обосновавшийся на Ставрополе, — деньги вкладываем в дома на родине; там никто не живет, но когда соболезнавание, 3–4 дня в нем поживешь, и всё. Все даргинцы, которые живут здесь, имеют хорошие дома в горах. Здесь дом может быть хуже, чем в горах. Может быть, когда здесь кладбище появится свое, изменится отношение. Но пока не так*») [ПМЮК, 2010 г.: 44—44 об.].

Столь же маргинальным представляется существование временных трудовых мигрантов, часть времени живущих в различных регионах страны, от Ростовской области до Ямало-Ненецкого автономного округа. «*От одного берега ушли и к другому не пришли. Старое не сохраняют как положено. И новое как положено не строят*». Так образно сказал о своих односельчанах — трудовых мигрантах один тиндинец (сам, к слову, проживший около 20 лет в Ростовской области и несколько лет назад вернувшийся в родной горный район) [ПМЕК 2008]. Под воздействием этой социально-экономической практики, казалось бы, должны изменяться привычный уклад жизни горного селения, представления людей, прежде всего молодежи, о том, что прилично, а что неприлично, о сущности сельского труда (подробнее в гл. 5). Однако стоит вспомнить историю дагестанского отходничества XIX—XX вв., в значительной мере определявшего жизнь многих горных селений, чтобы осознать некоторую поверхностность этого взгляда на проблему функционирования сельского сообщества. Дагестанское селение уже давно не является замкнутой системой (если вообще когда-нибудь являлось таковой). Поэтому нынешнее влияние временной трудовой миграции на жизнь в селении должно воспринимать не как социокультурную трагедию (эта тема часто поднимается в общественном дискурсе в республике, и авторам приходилось слышать подобные рассуждения), а как часть процесса развития современного дагестанского общества.

Уровень или степень маргинальности заметно ниже среди тех переселенцев, которые обосновались на новых землях давно и преимущественно не в составе групп односельцев, а самостоятельно. Это естественно. Они в достаточной мере адаптировались в новой для себя среде и, что примечательно, коренными жителями почти всегда воспринимаются в качестве «своих». Адаптация предполагала не только восприятие ими образа жизни (в необходимых пределах) коренных жителей, но и исполнение социальных ролей, к которым они были готовы в силу своей профессиональной подготовки, личных качеств и общественной позиции, а равно востребованности там исполнителей таких ролей.

Похожая и вместе с тем отличная ситуация складывалась и в итоге сложилась в тех районах вселения дагестанских горцев — в Ногайской степи, в соседних с ней районах Ставрополя и Калмыкии, — где они первоначально появились и закрепились в качестве чабанов. Заполнив социально-профессиональные брешы, образовавшиеся там вследствие нежелания русских, ногайцев, да и калмыков чабановать, они со временем сформировали собственную социальную нишу, из которой в дальнейшем появилось особое социальное поле со своими внутренними порядками и регламентом общения с окружением. И то, что для окружения (т. е. для жителей Ногайского района, Ставрополя и Калмыкии) первоначально выглядело приемлемым, в дальнейшем стало навязчиво восприниматься опасным. Во многом из этого проистекают предаваемые огласке через СМИ проблемы взаимоотношений даге-

станцев с коренными жителями, используя которые, строят свою политику местные власти.

Но это особый вопрос, точнее, особая проблема. А мы ограничимся собственно дагестанским вопросом. И, обозревая его, признаем, что в ходе реализации переселенческой политики, а также в ходе самостоятельных временных, сезонных и таких же на постоянное жительство миграций произошло смешение местных этносов и интернационализация быта, за что ратовали политики, осуществлявшие в свое время большие преобразования. Эта цель оказалась достигнутой, хотя и с набором значительных издержек. К таковым следует причислить обострение межнациональных отношений в республике и напряженное восприятие дагестанцев в соседних регионах. Но с обострением межнациональных отношений более отчетливыми стали рамки самих этносов, а также их коллективные (национальные) интересы. Используя в данном случае конструктивистский подход к теории этноса, признаем, что не только власть, но и конкретные обстоятельства¹⁰ стали инструментами в формировании этносов в их дагестанском формате — цумадинцы (читай — багулалы, чамалалы, тиндинцы, хваршины) в Кизлярском, Бабаюртовском и в других районах Дагестана будут и есть аварцы, а за пределами республики тем более. Лишь в качестве дани культурной специфике многокрасочного региона те, кто ее осознает, пока уточняют, что они «цумадинцы». То же — с цунтинцами, т. е. с цезами, бежтинцами, гинухцами и т. д. И они сами осознают себя аварцами, а цумадинцами или цунтинцами только в инструментальных целях, когда это выгодно в сложившихся условиях необходимой корпоративности.

Политики достигли своего. Ныне не уйти от легализации присутствия огромного по масштабам республики количества переселенцев — горцев после гор в ее равнинных районах. Никто из прочно обосновавшихся на плоскости, и даже обосновавшихся там пока еще непрочно, не вернется в горы. И земли, которыми сейчас реально они распоряжаются, не вернут. Имеем то, что сложилось теми либо иными путями. Соответственно, проблему необходимо решать, взвесив и просчитав интересы и права всех участников современного положения. Дагестанцы должны выглядеть целостностью, единством не только в других регионах, но и в собственной республике. Обстоятельства, расстановка разных факторов к этому обязывают. Но воззваниями общего харак-

¹⁰ Б. Андерсен, автор фундаментального труда «Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма», считал, что одним из самых необходимых условий возникновения националистических коллективных представлений является территориальное перемещение «паломников», будущих членов зарождающейся нации. «Именно в перемещении по территории большого политического пространства — империи — из колониальной периферии в имперские центры и обратно, „паломники“ приобретают новое представление о территориальной протяженности, о качестве пространства, о пространственных идентификациях. Унифицирующие возможности империи, в сочетании с мобильностью паломников, осуществляющих эти возможности, во многом определяют и территориальные границы нации. Развитие национализма как мировоззрения начинается с изменяющегося восприятия пространства» (цит по: [Баньковская 2001]). Не отвлекаясь на термин «империя», можно отметить, что, возможно, именно миграционные процессы и сопутствующие им социальные и культурные изменения, столь болезненно воспринимаемые нынешними адептами построения дагестанской нации (на взгляд авторов, ее сложение еще не завершилось), в конце концов станут решающими для ее окончательного формирования.

тера в СМИ этого не достигнуть. Необходима большая работа лиц, распоряжающихся судьбами республики и людей, по достижению благополучия и тех, кто живет на конкретной земле сотни лет, и тех, кто обосновался на ней недавно. Без этого разрыв в отношениях между горцами (и горцами после гор) и негорцами будет углубляться, а это чревато опасными явлениями и процессами.

Горцы после гор — в значительной мере новая генерация дагестанцев. Но следует надеяться, что они восприняли и сохранят лучшие качества дагестанцев-горцев.